

В Уффицах русского путешественника пленило еще одно произведение Андреа дель Сарто (в действительности он видел копию с его картины «Мадонна с младенцем, Св. Елизаветой и Св. Иоанном», 1520-е):

«Андрея дел Сарто богоматерь, держащая Христа на коленях, играющего с Иоанном Крестителем, картина приятная, где веселые лица отвечают совершенно веселым колерам цветущаго сего флоре[н]тинской школы живописца, из изумрудов и рубинов, кажется, составляющаго свои колера и из лехких зеленоватых туманов прозрачныя его тени» (л. 51 об.; с. 72).

Чуть выше, говоря о Рафаэле, он вспоминает «караκτηр прилизаной старинной школы флорентинской, из котораго не выходя, Андрей del Sarto умел его сделать plus piquant» (л. 47 об.; с. 71). Столь же сочувственны отзывы болонских (л. 61 об.; с. 79) и венских страниц дневника (л. 71; с. 83) об Андреа дель Сарто.

Сдержанным и настороженным (что не исключало высокой оценки отдельных скульптур) было восприятие произведений Микеланджело. Некоторой предвзятостью (о ее истоках ниже) оказалось предопределено непонимание Н. А. Львовым шедевра этого художника, знаменитого «Тондо Дони» (ок. 1506). Оригинальность композиции этой картины, ее высокое символическое значение, олицетворяющее начало нового, христианского, периода мировой истории, драматизм происходящего, подчеркнутый передачей Иосифом младенца в руки матери,— все это оставляет холодным русского путешественника, он даже сомневается в авторстве Микеланджело:

«Странная картина, изображающая на первом плане Св. фамилию, на другом множество голых мужских фигур в разных положениях, ея выдают за произведение кисти Michelange. Хотя голыя сии фигуры изображают любителя и рисовалщика Академии, каков был действительно Мишель Анж; но как я все не верю, чтобы сей художник писал что-нибудь маленькое, по словам Меннса (т. е. А. Р. Менгса.— *К Л.-Д.*), не узнающаго нигде карандаш Michel Анжев в маленьких картинах, то и думаю, что сия картина ни что иное, как эскиз довольно окончинной для какой-нибудь болшо[й] картины, которую время не допустило его написать» (л. 52–52 об.; с. 73).

Отношение к другому титану эпохи Возрождения, Леонардо да Винчи, выражено лучше всего в описании картины, которую Н. А. Львов считал принадлежащей его кисти,— в действительно-